

## СОВЕСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ЭТИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АЙТМАТОВА

**Раманкулов Ш. М., Жакыпбаева Б.А.  
ЖАГУ, г.Жалал-Абад**

### **Аннотация**

*Анализ его творчества с педагогических позиций позволяет говорить о том, что все оно направлено на пробуждение человека стремлении к чистой совести. Положительные герои произведений Ч.Айтматова отличаются благородством, величием духа, чистой совестью. Между тем писатель-педагог решительно осуждает бессовестность и безнравственность в поступках и действиях людей. Он писал, что главное назначение литературы чтобы оно способствовала сохранению совести в человеке.*

### **Abstract**

*Analysis of his work with teaching positions allows suggests that all of it is aimed at awakening a desire for a clear conscience. Chyngyz Aitmatov's goodies works difference with nobility, greatness of spirit, a clear conscience. Meanwhile, writer and educator strongly condemns dishonesty and immorality in the behavior and actions of people. He wrote that the main purpose of literature that it contributed to the preservation of conscience in man.*

В педагогической концепции творчества Чингиза Айтматова, в котором доминирует проблематика добра, человечности, особое место занимает проблема совести как нравственной категории, определяющей жизненную позицию человека.

«Совесть, - говорит писатель, - если формулировать обобщенно, есть внутренний стимул и внутренний тормоз: что разрешается и что запрещено? Что прекрасно, а что отвратительно? Если у тебя есть совесть и ты убьешь человека, то потом ты убьешь себя. Если у тебя нет совести, то ты будешь спокойно спать. И так во всех вопросах. Ты можешь кого-нибудь обидеть необдуманным словом. Если у тебя есть совесть, ты утром извинишься. Это элементарные формы проявления совести. А над этим возвышаются иные категории: социальная, гражданская совесть...

В научной литературе человеческая совесть определяется как «понятие морального сознания, внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, сознание нравственной ответственности за свое поведение. Совесть – выражение способности личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершенных поступков».

Чистая совесть облагораживает человека, возвышает его. Это своеобразный «индикатор» нравственной воспитанности человека. Честность, трудолюбие, совестливость, доброта – эти человеческие качества издавна почитались и почитаются людьми и вызывают у них уважение.

Честному, порядочному человеку всегда было нелегко.

Сейчас наше общество поражено острейшим моральным кризисом. Выбраться из такого состояния, наверное, куда сложнее, чем преодолеть экономический кризис. Главная беда, на наш взгляд, в том, что далеко не каждый захочет выбираться. У многих ли хватит сил признаться в обнищании духом?

Что поможет понять и пережить этот моральный кризис?

Немало, на наш взгляд, может дать человеку художественная литература. Ведь наиболее выдающиеся ее произведения вызывают к совести читателя, апеллируют к его чувствам, сознанию, обращаются к внутренним его силам, делают главную ставку на его самовоспитание. «Человек – творец собственного отношения к миру и к себе», – утверждает Чингиз Айтматов.

Анализ его творчества с педагогических позиций позволяет говорить о том, что все оно направлено на пробуждение в человеке стремления к чистой совести. Положительные герои произведений Чингиза Айтматова отличаются благородством, величием духа, чистой совестью. Наряду с этим писатель-педагог решительно осуждает бессовестность и безнравственность в поступках и действиях людей.

Вот как видится проблема совести в литературе Чингизом Айтматовым:

Главное назначение литературы я вижу в том, чтобы она способствовала сохранению совести в человеке. Это нравственная задача переплетается с политическими, социальными движениями современности. Но чтобы мы ни делали, куда бы человек не повернулся, даже тогда, когда он бороздит космос, – на земле протекает его жизнь. В любом случае, – когда человек совершает революцию, производит великие социальные изменения – совесть человеческая остается вечной и главной проблемой.

Никогда нельзя себе сказать: «Я сделал все, и моя совесть чиста». Это каждодневная борьба, каждодневное утверждение. Задача литературы и искусства в самых разных проявлениях, в самых разных вариациях, в формах, жанрах все равно сводится к борьбе за совесть в человеке. Чтобы отстаивать какие-то свои взгляды, убеждения, надо быть уверенным, что они выражают лучшие тенденции времени. Извлекая из предшествующего опыта приемлемые для нас прогрессивные элементы, в то же время необходимо думать о том, что современному человеку, как никому другому, нужно быть уверенным: его нравственность не нарушена, не сброшена куда-то под откос в результате каких-то исторических событий и процессов. Это то, что делает нас людьми».

По мнению академика Г.Н. Волкова, падение человека начинается с забвения им своего долга перед матерью. Падение нравственности – с равнодушия к матери-родине, к матери-истории, к своему началу. Потеря человечности – с прекращения поклонения матери. «Любящий родину-мать любит и родительницу – мать... Забывший мать способен забыть все на свете...»

У Чингиза Айтматова есть многозначное, емкое слово – «манкурт». Манкурт, человек, лишенный памяти, совершает самое гнусное – убивает свою мать, которая хотела вызволить его из рабства, хотела спасти его.

Айтматов, пытаясь найти ответ на вопрос, почему сегодня появилось беспамятство – эта черта манкуртов, обращается за разъяснениями к науке. Думается, это обращение писателя имеет самое прямое отношение к современной педагогической науке. Понятие «совесть» должно стать объектом самого пристального изучения в современной педагогике.

На наш взгляд, педагогическую ценность представляет мысль писателя о том, что совесть, «как и нравственность, должна быть понятием всеохватным – без деления её на рабочую, партийную, профессиональную».

Свою задачу Чингиз Айтматов как писатель видит в том, чтобы «ставить диагноз нравственного состояния общества, предвидеть эволюцию в духовной атмосфере времени». «Нашей совести, – говорит писатель, – нанесен серьезный урон. Зашатались устои, на которых держится жизнь. Но жизнь движется здоровыми силами, среди которых, хочется верить, и мои герои. Чувство совести, как тот зародыш в зерне, есть, уверен, В каждом. Бывает правда, и такое, когда этот зародыш глохнет, гибнет... Сейчас для его роста и укрепления самое время. Давайте же прорасти совестью!» – призывает Чингиз Айтматов.

Проблема совести как преграды беспамятству - манкуртизму. Ставится писателем в масштабах Вселенной. В романе «И дольше века длится день» Айтматов прибегает к вымыслу, фантастике, описывая контакты с внеземной цивилизацией. Таким образом писатель хотел с помощью гиперболы предостеречь землян от ситуации, чреватой потенциальными опасностями.

Понятно, говорит сам писатель, что в нашем реальном мире не существуют сарозекские и навадские космодромы, но, пока мир не научился жить вне гонки вооружений, опасность гибели планеты Земля все увеличивается. Рассказ об операции «Обруч» - это своеобразное философское продолжение легенды о манкурте, это рассказ о современных манкуртах. «Обруч» стягивает голову планеты, с его помощью «цивилизованные» манкурты пытаются изолировать разум Земли от широкого мира Вселенной, от встреч с другими разумными существами. Стянутая обручем непонимания, злобы и недоверия, голова планеты может взорваться от безумия.

Чингиз Айтматов призывает человека помнить свою историю, не только социальную, но и природную, которой он обязан своим биологическим происхождением, иначе, потеряв память, он убьет свою колыбель-Землю, как убил свою мать юноша-манкурт.

Один мудрец сказал, что человек должен всю жизнь приставлять одно доброе дело к другому так плотно, чтобы между ними не оставалось ни малейшего промежутка. Можно назвать это потребностью в самораскрытии перед вечностью природы, жизни, но реализовать ее можно лишь в труде и трудом. Эту простую мудрую истину другой айтматовский герой – Едигей («И дольше века длится день») – познал и пронес через всю жизнь.

Сердце его всегда готово было разделить радости и горести другого человека, и всегда у него хватало времени, чтобы согреть других вниманием и заботой. Он делал добро людям без оглядки, не думая о том, что перепадет ему от этого. Делать добро было естественным состоянием его натуры, души. Никто не выбирал его старейшиной боранлынецов, но и никто не сомневался в «старшинстве» его мысли, опыта, в его праве советовать. Открытый людям, тонко чувствующий настроение другого, в любую минуту готовый прийти на помощь – таков Едигей.

Много есть лазеек, позволяющих уговорить себя не вмешиваться в «чужое дело», не тревожить свою совесть вопросами, что справедливо и что не справедливо в жизни. Не так уж трудно увильнуть, увернуться от чужого страдания, от молящего о помощи взгляда. Надо только разрешить себе это, обойти боком, закрыть глаза и услышать услужливый, всегда готовый подключиться голос невидимого оппонента совести. Но не таков Едигей, чтобы оставаться спокойным и безразличным в то время, когда совершается зло. Естественность и простота сочетаются в нем с воспитанностью в том глубоком, человеческом смысле, в каком она реже всего проявляется и труднее всего достигается. А ведь систематического воспитания. В привычном для нас понимании, он не получил. Никаких учебных заведений, интернатов не кончал. Мы не знаем, как он жил и воспитывался в детстве. Мы можем лишь догадываться, что воспитание жизнью было не простым и нелегким. Вероятно, важную роль в формировании его личности сыграла война. Фронтовая жизнь одних ожесточила и огрубела. А у других, напротив, пробудила потребность быть человеком во всем, даже в мелочах. Но не такие уж и «мелочи» - такт, благородство души, совестливость.

Эпиктет утверждал, что «из всех творений самое прекрасное – получивший воспитание человек». Но кто и что воспитывает человека? М.Лифшиц в своей «Мифологии древней и современной» пишет: «Опыт, извлекаемый нами из внешнего мира, как и всякое искусственное научение, также проходит через органический процесс,

чтобы стать нашей собственностью. Воспитанный человек есть тот, в ком все приобретенные знания и навыки стали второй природой или культурой, вошли в плоть и кровь, усвоены органически и проявляются свободно и непринужденно». Стало быть, воспитывать может сам образ жизни личности, как это и произошло с Едигеем.

Мы иногда иронизируем по поводу формулы «жизнь научит», но нельзя не признать, что если человек способен учиться на примерах своей и чужой жизни, то это действительно могучий, можно сказать, основополагающий фактор воспитания. Разумеется, важно, чтобы человек умел наблюдать, размышлять над фактами и событиями, проявляя неравнодушное отношение к жизни. Но еще важнее то, чему человек учится.

Вот, к примеру, Едигей внимательно наблюдает за тем, как общаются со своими детьми Абуталип и Зарипа. Именно это помогает ему, уже опытному, прожившему немало человеку, понять смысл и значение отцовства. В частности то, что для отца «это высшее воздаяние – любовь, сопереживание детей». Мысль о детях тревожит Едигея, не дает покоя. Как пробудить в них ответственность за другого человека, не дать взойти в их душах сорным семенам эгоизма, как научить их быть неравнодушными к злу и несправедливости?

Все в Едигее настолько естественно, органично, что создается впечатление: мол, таким вот человек и родился. На самом деле понять, какими ценностями он живет, что более всего уважает в людях, а что ненавидит, считает злом, можно, только осмыслив всю прожитую им жизнь. Мера человечности и бесчеловечности поступков людей в немалой степени обусловлена конкретными обстоятельствами их жизни. Но многое зависит и от самого человека, который может удержаться от неблагоприятного поступка, недостойного поведения, не дать расслабиться воле, не пойти на компромисс с совестью, преодолеть каприз собственных инстинктов.

В человечности всегда присутствует реализованное «должное», то, что следует, подобает делать человеку в любых обстоятельствах, поскольку он хочет и стремится сохранить свою принадлежность к человеческому роду. Это, если сказать проще, некая форма общественного и одновременно культурного поведения человека, в основе которого лежит мораль, добрые мотивы и благородные цели. Через «должное», то есть идеал общества, который может быть более или менее ограниченным или истинным, просвечивается собственно человеческая природа каждого намерения, устремления и поступка личности.

Своеобразно и оригинально трактует проблему совести в повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» литературовед Георгий Гачев. Он отмечает, что в повести «есть пласт людей – срединных, которых и туда и сюда повернуть можно: это в основном шоферы из совхоза, с низины, неоперившиеся молодцы. Хорошие они люди, незлобивые и тем более незлолюбивые, да больно уж кичатся своим новеньким, с иголки, стандартным образованием, и оттого глухи к ценностям культурным: патриархально-народным и духовно-личным. Вот как снисходительно поучает один такой шофер мальчика: «Ну и дед у тебя! – искренне подивился солдат. – Только забивает тебе голову всякой чепухой. Не слушай ты его. К коммунизму идем, в космос летаем, а он чему учит? К нам бы на политзанятия его, мы бы его мигом образовали. Вот вырастешь, выучишься – и уезжай давай от деда. .

- Нет, я от деда никуда не уйду, - возразил мальчик, - он хороший.

-Ну, это пока что, а потом поймешь».

Дико, наверное, само слово «хороший» было слышать солдату – такое неполитграмотное, абстрактно-человеческое, «не наше». А зря, должно стать «наше». Этому учит повесть Чингиза Айтматова. И разговор-то их примечателен: мальчик допытывается у воина, кто его предки, и солдат был весьма сконфужен, когда выяснилось,

что сам он не только не знает, откуда его род начинается, но даже обязательно колена семерых отцов не знает. Солдат знал только своего отца, деда, прадеда. А дальше? «Разве тебя не учили запоминать имена семерых предков? – спросил мальчик. – Не учили. А зачем это? Я вот не знаю, и ничего, живу нормально. – Дед говорит, что если люди не будут помнить отцов, то они испортятся. -Кто испортится? Люди? -Да.-А почему?- Дед говорит, что тогда никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети их детей о нем не будут помнить. И никто не будет делать хорошие дела, потому что все равно дети об этом не будут знать». Проблема совести в творчестве Чингиза Айтматова могла бы стать предметом специального научного, и в частности педагогического, исследования и изучения. Если «о чём бы ни говорило искусство, оно говорит об этом «то айтматовским голосом оно говорит очень громко. Реализация айтматовских идей о воспитании человеческой совестливости предполагает, на наш взгляд следующее:

- формирование социальной, гражданской совести;
- осознание вторичности вещественных отношений по сравнению с «моим «я» - совестью» и производности от неё других нравственных, характерологических качеств;
- осознание опасности дефицита совести в экстремальных ситуациях;
- понимание непреложного значения совести для судеб всего человечества.

#### **Литература:**

1. Айтматов Ч. Человек и мир: Диалог с Х.Плавиусом// Киргизия за рубежом: Публицистический сборник.-Фрунзе1981.-с.365-366.
2. Айтматов Ч. Совесть не может молчать. // Комсомольская правда.-1983.-16 октября.
3. Айтматов Ч. Давайте же прорасти совестью! //Сельская жизнь.-1988.- 11 декабря.
4. Гачев Г. Нравственная природа, цивилизация и детская совесть //Литературная учеба.- 1980.-№6.-с.150-151. Вечерний Фрунзе.-1989.-26 октября